

М. КУЗМИН

Мечтатели

(«Записки мечтателей», № 2–3; «Переписка из двух углов», изд. «Алконост», 1921)

Издательство «Алконост»¹связало собою имена Ал. Блока, Андрея Белого, Вяч. Иванова, Иванова-Разумника, А. Ремизова, Анны Радловой, К. Эрберга. Соединение это не изобретено «Алконостом», а получено как бы в наследство от альманахов «Скифы» и «Наш путь»².

Физиономия достаточно определенная, по школьным определениям — символисты, сами предпочитают называть себя мечтателями³.

Если сравнить с формальными барабанами московских школ и упрямым достоинством акмеизма⁴, произвольно и довольно тупо ограничивающего себя со всех сторон⁵, то, конечно, — мечтатели. Во всяком случае это — люди, считающиеся с такими устарелыми словами, как «мировоззрение», «лирический пафос», «внутреннее содержание» и «метафизика искусства». Произведения их можно разбирать с какой угодно точки зрения, проще и убедительнее всего применить, конечно, формальный подход, но сами авторы ставят себе задачи более широкие и менее определенные. Разумеется, они все-таки литераторы, и многие из их мечтаний — не более как бессознательный (или сознательный) литературный прием. К таким приемам можно отнести «Дневник писателя» Белого⁶, где он изо всех сил старается доказать, что он не может писать статей, и пишет при этом статью⁷. Можно объявить ряд лекций на тему: «почему нельзя читать лекций» — и все-таки это будут лекции. В страстном желании дойти до последнего словечка, выворотить себя наизнанку Белый приводит редакционные счета, сообщает совершенно домашние подробности, кто его

ссудил деньгами и т. п., — и все-таки это только литературный прием, и из литературы Белый никуда не выскочил и прыгает не «в никуда», как уверяет, а в ту же литературу.

Даже не приходит в голову, правду или выдумку он пишет, все происходит в области искусства и литературной диалектики, где биографическая искренность нисколько не убеждает.

Эпопея «Я», которую сам автор считает своим значительнейшим и лучшим творением, конечно, событие в литературе, притом событие трагическое⁸. Никогда еще не была так обнажена химическая лаборатория творчества⁹, никогда еще формальная изобретательность, метафизическая диалектика, психологический самоанализ не были так обострены, пущены в ход все силы, какое-то Лейпцигское сражение¹⁰ — и, по-моему, оно проиграно. Духовная раздробленность и мелькание делают почти жутким весь блеск и химическое искусство Белого. Я не могу и не взял бы на себя указывать такому значительному писателю, как А. Белый, каким образом достигнуть органической целостности, тем более что это лежит вне области искусства; но очевидно, что для этого недостаточно напряжения воли и что химическое соединение жизненных элементов не производит живого человека.

Эпопея Белого представляется мне почти небывалым и печальным памятником борьбы раздробленной механичности с органичной человечностью¹¹.

В противоположность Белому Блок утверждает себя как служителя искусства, как поэта, и его прозаические страницы производят поэтическое, несколько неопределенное волнение, как слова значительного и искреннего человека¹².

Третья глава «Возмездия» Блока и вступление к поэме («Младенчество»?) Вяч. Иванова¹³ принадлежат к страницам, вполне достойным этих прекраснейших поэтов. То же можно сказать и о рассказах Ремизова, лучших за последние годы¹⁴. Стихи Павлович¹⁵, Эрберга¹⁶ и невинное замаскированное фрондерство Замятина¹⁷, рабски на этот раз подражавшего Ремизову, заканчивают «Записки мечтателей».

Новое имя Шапошникова¹⁸ ввергает в некое недоумение. С какой угодно точки зрения это — совершенный вздор. Там есть метафизические положения, но от метафизических положений даже до передней искусства еще очень далеко.

Можно, пожалуй, и «Переписку из двух углов»¹⁹, как инсценировку, принять за литературный прием, но, имея счастье

знать обоих совопросников (и Вяч. Иванова, и М. О. Гершензона), я думаю, что эта инсценировка — действительность. По существу дела это, конечно, не меняет. Иному эта переписка в 1920 году может напомнить того ученого, упоминаемого Плинием²⁰, который во время извержения занимался научными исследованиями, или константинопольских иерархов, не кончивших богословские споры, когда в Царьград входили уже турки, — но дело в том, что переписка касается очень близко настоящей минуты, очень животрепещуща и насущно нужна. Конечно, вопросы, перенесенные в высокую область философии, несколько охлаждаются, но приобретают новую значительность.

Помимо актуальности, истинная радость всем любящим мысль и искусство следить за турниром двух утонченнейших умов, оказавшимся без победы того или другого противника. Дело вкуса предпочесть просветленный эллинизм, о котором немного с семинарской элегантною²¹ толкует Вяч. Иванов, или талмудический анализ кочевой и анархической тоски Гершензона, где временами появляется дух Руссо, обычно сопутствующий всем добродетельным разрушителям и насильственным печальникам о человечестве. «Алконост» изданием этой переписки сделал истинный подарок не только любителям изящных «словопрений», но и всем умеющим разбирать за гущей действительности планы мировых построений.

1921

